

18+

Роман РИЗ

Я ВИЖУ ТЕБЯ

повесть-обращение к самому себе

Роман РИЗ
Я вижу Тебя

«Издательские решения»

РИЗ Р.

Я вижу Тебя / Р. РИЗ — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980085-5

В повести удивительным образом переплетаются две сюжетные линии — злоклучения друзей из мобильного отряда и история ордена ангелов. Во имя настоящей дружбы и любви главные герои идут на риск и понимают, что жизнь гораздо сложнее и многограннее, чем может показаться на первый взгляд. Меняются миры, обличия, но чувства не знают пределов и границ. Смогут ли друзья пройти через испытания и, словно пробудившись ото сна, понять, что каждый творец не только своего счастья, но и своего мира?

ISBN 978-5-44-980085-5

© РИЗ Р.

© Издательские решения

Содержание

Благодарности	6
В качестве пролога	7
Ловец душ	9
Потери	11
Тринадцатый	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Я вижу Тебя

Роман РИЗ

© Роман РИЗ, 2019

ISBN 978-5-4498-0085-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

Моей любимой супруге, подарившей мне дочку и сына, дорогим сердцу детям и людям, которые помогли и помогают мне по-настоящему чувствовать вкус и ценность каждой минуты жизни.

Все события и персонажи произведения являются абсолютным вымыслом автора, но, безусловно, с его стойким желанием и верой, что это может быть правдой.

В качестве пролога

*Не раскисайте, верьте в сказку,
Тогда вам жизнь не надоест.
И никогда не надевайте маску,
На личности она поставит крест.*

*Любите, чувствуйте, живите!
И смыв с себя печали грустный тон,
Секундой каждой дорожите,
Ведь, кто не верит, – обречен!*

Светлана Бердюгина

– Кто ты? Отвечай? Правда, мне нужна только правда! Хотя подожди! Спокойно, переведи дыхание. Я слушаю. Будь честен с самим собой, как чувствуешь по-настоящему.

– Кто я? Я есть необходимый элемент системы. Я то, что надо для ее нормальной и эффективной работы. Я мыслю и поступаю так, как «правильно», «нужно» и «должно» в системе!

– Зачем? Зачем тебе это надо? Разве ты не понимаешь, что тебя используют как «батарею», а когда твой «заряд» закончится, тебя заменят на другую, новую и полную энергии.

– Я... Я чувствую себя защищенным в системе!

– Разве она не убивает свободу твоего собственного выбора, принятия себя, какой ты есть, твоих истинных желаний и стремлений?

– Возможно. Но это, наверное, нужно для блага людей. Если все будут жить, как им вздумается, – настанет хаос и беспорядок. Думаю, проблема вовсе не в системе, а во мне. Ведь я не тот человек, который принимает решения. От меня ничего и никогда не зависит.

– Тогда от кого все зависит?

– Думаю, что только избранные принимают главные и правильные решения, им положено переживать за благо всех.

– Ты сам себя слышишь? Есть отдельная горстка людей, и только они определяют будущее всех других. Да это бред какой-то! Ты взял за основу субъективную теорию и возвел ее в ранг аксиомы. А может, истина кроется совсем в другом? Хочешь, я открою ее тебе?

– Не надо! Уходи! Проваливай! Я не желаю тебя слушать и слышать! У меня есть непреложные правила и твердый закон! Я знаю, что есть истина и справедливость! Мне не нужны ложные идола!

– Ты выслушаешь меня! Избранных нет! Точнее не так. Я и ты, он и она – да все мы изначально избранные и имеем дар изменять свою реальность, делать счастливыми в первую очередь самих себя и своих близких. Каждый из нас единственный и неповторимый космос! При этом нам не надо быть и становиться заложником системы. Ты наряду со всеми другими имеешь равные права стать воином любви и света, меценатом счастья и радости, кузнецом удачи! Дай мне только помочь пробудить в тебе желание жить по-настоящему, без оглядки и условий, вне ограничений и запретов. Тогда и только тогда из странника этого мира ты станешь мастером и творцом, изменяющим действительность, разрушающим рамки ограниченной дозволенности, создающим новые счастливые миры в гармонии и любви! Именно этим ты принесешь людям благо через себя! Ты мне веришь, друг?

– Это слишком сложно, чтобы быть правдой!

Я задышался в системе нутром,
Там перекрыли свободы воздух
За то, что не хочу умереть рабом,

Гордости наступив на горло!

Достичь я солнца не смогу
И небо крыльями наполнить,
Но мне по силам взять судьбу,
Чтобы мечту свою исполнить!

Ловец душ

Мириады игл пронизывают мое тело. Концентрированная ужасная боль в каждой клетке. Сначала мрак и темнота, а затем постепенно нарастающий мягкий и теплый свет. Он совсем не раздражает меня, а напротив, дарит невероятное успокоение и ранее неизвестное приятное чувство какой-то опьяняющей радости.

И теперь я уже не ощущаю физических страданий, но удивительная легкость во всем моем существе. Что есть «новый» я: абсолютная свобода перемещения в пространстве, круговой обзор до мельчайших подробностей, идеальное восприятие запахов и звуков. Разве так может быть? Безграничные возможности – это то, о чем я мечтал всегда в той «старой» жизни. Неужели тот самый момент настал, когда моя душа покинула плоть и обрела истинную свободу? Ха-ха, думаю, что со стороны меня сейчас можно зафиксировать только приборами «охотников за привидениями» как информационное электромагнитное поле или сгусток некоей энергии, лучше, конечно, положительной, нежели отрицательной. Хотя, наверное, все равно.

Минуту ранее я находился в состоянии свободного полета – невообразимого страшного падения с высоты двадцатипятиэтажного здания, без физической возможности выплеснуть весь ужас происходящего в безудержный крик.

«А что это там внизу? Старое воплощение меня? – подумал я и опустил себя поближе, чтобы увидеть свое изуродованное тело. – Да, наверное, вот этот несуразно лежащий на тротуарной плитке труп когда-то был мной». Странно, но никаких отрицательных эмоций я сейчас не ощущаю: ни гнева, ни ярости, ни даже обиды, только одно простое любопытство и даже очень странно, что оно тоже присуще мне «теперешнему».

Над моим телом склонился местный уборщик, имени которого я до сих пор, к своему сожалению и стыду, не знал: крепко сложенный молодой парень с густыми выющимися темно-русыми волосами, завязанными в аккуратный пучок, приятными чертами лица при совсем небольшой горбинке носа.

Иногда, едва в небе только-только зарождалась утренняя заря, спеша по парку, прилегающему к знакомому дому, я видел его, занимающегося интенсивными тренировками на спортивной площадке, расположенной в центре этого миниатюрного чудесного леса. И в этот момент в лучах поднимающегося солнца, которыми оно еще несмело касалось самых верхушек деревьев, признать его неотразимым могли не только женщины, но и по-настоящему честные с собой мужчины: идеальные пропорции тела, отточенные и ловкие движения и ни малейшего

намек на усталость. На левой половине его груди красовалась необычная татуировка, набитая не в реалистичной манере, а скорее носящая символический характер в виде угадываемого образа черного ворона, взмахивающего крыльями и обрамленного алым кругом солнца.

Бывало, иногда мы встречались взглядами, и он всегда в этом негласном соревновании выходил победителем. В нем чувствовалась какая-то нечеловеческая сила и невероятная мощь по-настоящему свободного человека. Я всегда воспринимал его как одно из воплощений человеколюбивого и богоподобного титана Прометея, правда, несущего людям чистоту и порядок вместо огня.

И вот сейчас совершенно неожиданно для меня он вскидывает руку и практически замирает, а затем поднимает голову и пристально смотрит прямо на воплощение меня «нового», не моргая и не отрывая глаз. Неужели он как некий биологический радар уловил движение моего электромагнитного поля?

Абсолютно четко слышу каждое его слово, произнесенное шепотом:

– А у тебя сильная душа! Ты можешь быть мне полезен!

В этот момент от его ладони исходит такой жар, который я ощущаю каждой частичкой своей души. Мне не хочется, совсем не хочется оставаться дальше в таком положении. Пытаюсь убежать, удалиться, улететь прочь, но что-то сильно мешает мне и тянет якорем все ниже и ниже.

Да тут даже к бабке-повитухе не ходи, это однозначно уборщик не дает мне уйти. Откуда-то я точно это знаю, но никак не могу этому противостоять. Он, как ловец, искусно закинул свои крепкие и бескрайние сети, которые тут же опутали меня, и нет никакой реальной возможности из них освободиться. И теперь он тянет добычу к себе, все ближе и ближе.

«Зачем? Зачем я нужен тебе? Прошу, умоляю только об одном – отпусти!» – эти мысли пронеслись во мне, принося с собой новые неприятные страдания.

Постепенно я теряю недавно обретенную легкость, погружаясь в наваливающуюся темную пустоту, без малейшего шанса на сопротивление...

Потери

Я проснулся от болезненного покалывания в груди, как будто сердце пытается выпрыгнуть наружу. Ощущаю непроходящий ком в горле, а потом предательски наворачиваются слёзы – последствия нахлынувшего ночного кошмара.

Иногда я даже помнил их в мельчайших подробностях, проживая и чувствуя в них все настоящего, как в реальной жизни, но все-таки в конце концов понимал, что нахожусь в мире сновидений, и тогда по-своему перестраивал сюжет, правда, не всегда просыпаясь победителем своих страхов.

Сегодня во сне я снова был на панихиде по двум ребятам из прошлой смены нашего отряда. Лично никого из них я не знал, но очень долго рассматривал ту фотографию в деревянной рамке с подвязанной черной ленточкой, которая стояла на самом видном месте нашей казармы №1. Рядом с ней водка и хлеб. Там они вдвоем: молодые и светлые лица, излучающие радость и сильное стремление жить, в разгрузках и с автоматами наперевес. Они оба погибли во время конвоя, когда сопровождали местных врачей до одного из далеких горных пунктов республики.

Какая нелепая, злая и отвратительная штука – смерть. Я смотрел, как совсем еще юным вдовам вручали посмертные награды мужей. Находившиеся рядом с ними дети, по возрасту не более пяти-шести лет, казались уж очень взрослыми и сосредоточенными, а матери погибших героев – совсем потерявшимися, сильно поседевшими и поникшими раньше времени и своих фактических лет.

Именно тогда я попробовал свои горькие слезы на вкус. Нет, они даже не горькие, они «ядовитые» – невыносимо, ужасно до боли ими щиплет веки и щеки. Я не мог их остановить, они просто текли и текли. Что со мной происходит, ведь они даже не мои друзья или приятели, но ощущение безвозвратной утраты висело над всеми, кто был в том зале тогда.

А потом снова и снова в голове ухает: «Есть! Так точно! Столько-то пушечного мяса отправлено на поддержание конституционного порядка Содружества, в настоящее время план выполнен, ждем следующего отчетного периода! Понесенные потери незначительны!».

А сколько надо еще принести жертв богу войны? Разве этого не достаточно? Кто знает и даст ответы на эти вопросы?

Я глотнул минеральной воды, и все отпустило так же внезапно, как и началось. Здесь это нормально. Сон вновь поборол меня, и я ушел в очередную страну грёз, как и всегда, с надеждой на положительных исход и верой в победу света над тьмой.

Уже начало светать. Я повернулся на другой бок в своем спальнике, но высовываться из нагретого телом спального мешка никак не хотелось. В помещении казармы прохладно, так как уличный холод из-за хлипкости дверей как внешних, так и внутренних, безжалостно пробивается во все три ее кубрика. Батареи отопления в казарме дают совсем немного тепла. Всего в нашем кубрике шесть двухъярусных армейских кроватей, разделенных проходом, и две односпальные, в том числе и моя, которые находятся по углам помещения возле его единственного окна.

Через ряд кроватей, также в спальнике, смешно причмокивая, спит Макс, при этом, конечно, не в счет другие звуки и запахи, издаваемые и выпускаемые во сне нашими братьями по оружию. Из мешка торчит его оголенное левое плечо, на котором даже в рассеивающейся тьме видна набитая крупная татуировка «Бог всегда с нами!».

Макс любит это повторять. Что он забыл в этой командировке – мне по-прежнему непонятно. Он молодой и очень худощавый, но жилистый блондин с угловатыми чертами лица. Полгода назад окончил «учебку» правопорядка, поработал немного оперуполномоченным уголовного розыска, а потом сразу командировка – не сработался с начальством отдела.

Как ни удивительно, но несмотря на свой молодой возраст, Макс всегда на постоянном позитиве, непризнанный психоаналитик и психотерапевт нашей малой боевой группы, каждый раз доказывающий нам, что все свои недовольства друг другом в такой и так крайне напряженной обстановке надо решать словом и сразу, как только появилось это негативное чувство, иначе это может перерасти в затяжной конфликт. А кто знает, чем может разрешиться ссора, когда оружие всегда при тебе. Но лично мне интересна была его мысль о негативном влиянии на все наши поступки и их результаты в самокопании своих прежних неудач. «Принимай себя таким, какой ты есть, – повторяет он всегда, – без остатка, со всеми своими недостатками и достоинствами». Макс однозначно попал не туда, ему надо было точно стать врачом душ. Говорят, что это сейчас модно и хорошо оплачивается.

Это он подсадил всех нас на притчу о шаманских камнях:

«Давным-давно один шаман нашел девять пророческих камней, одинаковых по размеру, но различных по цвету: серые, черные и белые – по три каждого вида. Цвета означали возможность успеха задуманного. Тот, кто приходил к шаману, доставая из „мешка судьбы“ три первых попавшихся камня, мог получить ответ на поставленный вопрос. И уже умирая, шаман открыл секрет своему сыну о природе действия этих камней. Он сказал ему, что многие доставали камни, богатые и бедные, влиятельные и неприметные, но только тот добивался успеха, кто уже изначально сделал выбор для самого себя. Магия не в камнях, сказал он сыну, а она в том, кто берет на себя смелость принять решение и не благодаря камням, а вопреки им!»

Мы с Максом практически единственные в нашей группе, чьи позывные хоть немного совпадают с именами. Мой позывной «Георгич», а его, естественно, – «Макс». Использование имен или фамилий для идентификации личности, даже на территории мобильного отряда, запрещено. Вероятно, мы с Максом большие исключения.

Напротив меня, громко посапывая в своей любимой позе на боку и подложив под щеку правую руку, спит Тюлень, высокий и загорелый здоровяк, я бы даже сказал гигант, в самом расцвете сил, всегда вечно спокойный как скала, стоик по отношению к любым проблемам и вопросам. Правда как-то он применил свои крутые кулачищи в отношении нашего начальника по тылу, и было за что, я вам скажу.

Я окончательно проснулся от толчков в плечо, от которых рефлекторно хотелось наотмашь ответить будившему меня Максиму, и еще от его ироничного голоса:

– Георгич, а Георгич? Подъем, солдат! Пора на выезд, боевые подвиги тебя ждут!

В проходе между кроватями уже одеваются Карась и Боцман, впихиваясь в потрепанные бронжилеты и надевая специальную защиту на липучках на руки и ноги, не забывая, конечно, спасательные для всех мужчин (которые еще хотят в дальнейшем быть настоящими отцами) кевларовые ракушки. Они оба кинологи.

Карась – небольшого роста, с пивным пузиком, смешным ушастым лицом и гладко выбритой головой. И да, походу он точно похож на карася, такой же скользкий и шустрый, блестящий своей идеально выбритой лысиной. У него, как он «авторитетно» утверждает, из всех нас правильное «пацанское» понимание жизни.

Боцман, напротив, смуглый поджарый великан с густыми черными волосами, хотя кое-где поблескивают небольшие седые пряди, благородного вида гусарскими усами и безудержным чувством юмора (я бы назвал его «перманентным балагуром»). Несмотря на то, что с виду он шутник и практически постоянно на лице его обаятельная улыбка, мы его знаем и как неудержимого крепкого бойца.

Так, после изрядного выпитого он мог спокойно погонять молодых ребят из соседних кубриков со словами: «Ну что, сухопутные зяблики, опять моремана достаете, семь якорей вам в...». И дальше шли разные варианты в зависимости от нахлынувших на него чувств, степени и тяжести опьянения. Тогда мы все принимали участие в «спасательной» операции по его возвращению в родной кубрик, чтобы его раньше не обнаружил кто-нибудь из командного состава «мобильника» или заезжие проверяющие из округа.

Карась недовольно ворчит о том, что из-за столь раннего подъема не успеваешь позавтракать и придется давиться отвратительным сухим пайком. Своим шумом они окончательно разбудили остальных. Тут же слышен совместный возглас Тюленя и Тухлого о том, чтобы Карась заткнулся с утра со своими причитаниями, иначе получит по наглой и лысой морде, потому как не всем сегодня на выезд, и что они должны еще отдохнуть после ночной смены и дежурства.

Тухлый – особый вид «хомо сапиенса» нашей группы, большой ценитель хорошего алкоголя, любитель сна и горячих разговоров о женщинах или о горячих женщинах, что тоже вполне понятно для любого гетеросексуально ориентированного мужика.

Узнав его поближе, я понял, что это самый настоящий семейный человек, до мурашек обожающий своих жену, сына и дочку, и думаю, прикрывающейся своей напускной брутальностью. При этом он ходячая энциклопедия и в «мобильнике» при отсутствии возможности использовать «сетевые источники знаний» – просто настоящая находка.

К сожалению, иногда, увлекшись констатацией каких-либо простых или исторических фактов, Тухлый просто «убивал» всех своим природным занудством. Он же пытался отучить нас всех от использования матерных слов (или ненормативной лексики, как он всегда поправлял) и предлагал заменять их более книжным вариантом.

К примеру, если одному из нас хотелось в сердцах сказать одно такое очень емкое слово из пяти букв, начинающееся на «б», либо его более сильный аналог «да, б...», Тухлый предлагал применять слово «блин» или что-то вроде «да, Балин – сын Фундина», а также ввести систему штрафов за брань. Это было еще одним поводом для шуток.

Но было в нем то, что, несомненно, скрашивало все его недостатки. Это безудержная страсть к поэзии. Он вдохновлял и будоражил нас своими творениями. Иногда мы получали экспромтом что-нибудь вроде:

На разрыв чувства, на разрыв мысли,
Только и могу я, что сейчас сказать,
Страсти все мои давно закисли,
Мне уже совсем не двадцать пять!

Но все ж, ты как бокал элитного вина – мадеры

И снова ловишь мой восхищенный взгляд,
Я до сих пор в свое счастье не утратил веры,
Одно пугает, что двадцать лет я на тебе женат!

И еще Тухлый шутил, что раньше, до супруги, все его любовные похождения заканчивались примерно так:

Холодный ветер беспощадно бил в мое лицо,
И слезы безответности безжалостно мне рвали душу,
Я не увидел в Вас единственной и не подарил кольцо,
Свой холостяцкий мир я больше Вами не нарушу!

Я с трудом поднимаюсь. Уже надевая поверх бронжилета разгрузку, заполненную стандартно четырьмя автоматными рожками (здесь нет нужды в отдельной оружейной комнате, все должно быть под рукой, и ты всегда должен быть готов к бою, но все-таки в отряде есть отдельный пункт боевого питания, и он по выдаче дополнительных боеприпасов, разрывных и светошумовых гранат), слышу, как Макс громко будит Агузара, совсем близко наклонившись к нему и беспардонно крича прямо в ухо:

– Хватить спать, соберись, тряпка!

Агузар, тоже молодой, но довольно крепкий боец с приятным на ощупь ежиком на голове (притронуться к его шевелюре рукой было своего рода ежедневным утренним ритуалом нашего кубрика – на удачу, вместо того чтобы посмотреть в зеркало и улыбнуться) и просто нереально орлиным носом, инстинктивно отмахиваясь руками, кричит в ответ:

– Макс, ты debil!

Затем демонстративно потягивается и зевает, но тут в игру вступают Карась и Боцман, которые, громко ржа, совместными усилиями стаскивают Агузара с кровати под его истерические вопли:

– Вы что, сучки крашенные! Я еще в «долине белых унитазов» не был!

Он пытается сопротивляться, но все тщетно и безрезультатно. Его бой окончательно проигран, и вот он уже на полу и не в самой лучшей позе.

Практически все синхронно хватаются за животы, потому как таким незатейливым названием «долина белых унитазов» именовался местный солдатский нужник – невообразимое и чудовищное сооружение в лучших традициях фильмов ужасов, особенно наводившее тоску в сумерках или ночью.

Для всякого «новичка» в отряде это загадочное место представляло собой длинную кирпичную постройку под деревянной крышей, зияющую то там, то тут рваными «ранами» и постоянно кишашую крысами. Внутри с десяток дурнопахнущих отверстий в полу для отправления естественных нужд. Чтобы хоть как-то приукрасить ароматы отхожих мест большинство бойцов совмещали поход в уборную с перекуром, и в этот момент даже некурящие очень жалели, что не имели такой «полезной» привычки. А сколько разных историй, передававшихся от одного отряда к другому, мы слышали об утопленных в этих «бездонно-ароматных» отверстиях пистолетах и просто фантастических операциях по их выемке или «веселых» проделках обнаглевших крыс. Именно в таком нужнике у каждого нормального человека появлялось горячее и стойкое желание уединиться в совсем ином месте – теплом и светлом туалете с белоснежно-белым унитазом с мягкой сидущкой. Отсюда и пошло соответствующее название этого «замечательного» места.

Рядом с «долиной белых унитазов» на металлических опорах стояла трехсотлитровая бочка с приделанной лейкой внизу – наш боевой душ. Там же располагался рукомойник в виде половинки длинной пластиковой трубы, которая, как и бочка для душа, наполнялась самотеч-

ным способом за счет сбегавшего с высокогорья ручья. Доступ воды к душевой бочке перекрывался дежурными постовыми, при ее наполнении и примерно по истечении часов шести на солнце вода в ней становилась даже относительно теплой, но тут кому как повезет. Возможно, что это безобразие можно было с некоторой оговоркой назвать «все удобства для бойца в одном месте».

Но все же, к слову, одной из отдушин тяжелого солдатского быта была еженедельная возможность посещать настоящую баню с парилкой, построенную руками самих служивых «мобильника», за состоянием которой отвечал отрядный коптерщик Ванда, он же по совместительству и водитель ассенизаторной машины. Сам поход в баню уже был праздником, где с потом, грязью и кровью смывались все лишние тревоги. В этом волшебном оазисе чистоты, благоухающем душистыми ароматами веников, каждый из нас ощущал присутствие частички такой далекой и такой желанной малой родины.

И вот наша боевая мини-группа уже в сборе, за исключением отсыпавшихся после смены Тюлена и Тухлого, а также находящихся на суточном дежурстве Томака и Пухли.

Томак – старый и добрый воин, безбородый и безусый, переживший уже не одну смену в отряде, заядлый курильщик с многолетним стажем. Смеемся, что когда он родился, то вместо крика уже тогда пролепетал: «Мать, а мать, огоньку не найдется?». Постоянно гладко выбрит и вечно подбивает всех нас сбрить пышные усы Боцмана, которые по непонятной для нас причине не дают ему покоя. «Батя» – так иногда называем мы Томака, он-то уж точно наш признанный старейшина и авторитет.

А вот Пухля совсем юнец, даже моложе Макса и Агузара, с тонкой светлой кожей, крупными пухлыми губами и женским строением тела: маленькие плечи и большие бедра. Периодически раздражает всех своей детской наивностью и непосредственностью, за что иногда, бывает, ему «выписывают лещей». Ну так, не сильно, конечно, а больше для порядка и приобретения им навыков взрослой самостоятельности в дальнейшей жизни.

Уже на улице к нашей «банде» вместе с хозяевами присоединились Ирс и Марс – служебные собаки Боцмана и Карася, которые работают по взрывным устройствам и взрывчатым веществам. Ирс – красивая коричневая овчарка с крупными черными пятнами и невероятно добрыми глазами, а Марс – белый и очень ласковый спаниель.

Надо сказать, что именно наш экспедиционный мобильный отряд, в отличие от других ЭМО, или по-другому «мобильников», разбросанных на всей территории проведения контртеррористической операции, отличался определенным демократизмом со стороны отца-командира, то есть без засилья ненужной строёвщины и иных атрибутов образцово-показательного военного «цирка».

Помимо нас на раннее построение «высыпали» парни из второй и третьей казармы.

Агузар с всё еще опухшим ото сна лицом с большим трудом удерживает автомат и себя в вертикальном положении.

– Твою ж мать, как оружие держишь, боец! – грозно рявкает проходящий мимо него командир отряда Джуба, почерневший от местного яркого солнца, с большими крепкими ручищами и крутым нравом, всегда собранный и готовый к бою (по-моему, он самый что ни на есть настоящий и, безусловно, харизматичный лидер). – Вечно в карауле носом клюешь, голову свою проспшишь – враги отрежут и на кол натянут!

И вот уже общее построение. Командиры отделений проверяют наличие боеприпасов, индивидуальных средств защиты и связи, наличие и состояние бронежилетов и боевых шлемов. Наши Томак и Пухля сверяют бойцов по списку боевого распоряжения. Они сегодня оперативный дежурный и его помощник.

Рядом с Джубой мелкими шажками семенит пожилой коротышка – заместитель командира по тыловому обеспечению Брахман. Скажу вам, большой зануда по части соблюдения субординации и воинского устава, а также иных «напускных» правил морали и этикета, кото-

рые на войне никогда не работали. Несмотря на свое особое положение «невъездного» специалиста, Брахман с завидной регулярностью получал от руководства единой группировки всех восточных «мобильников» множество премий и наград за различные боевые операции, в которых, конечно же, лично никакого участия не принимал, чем очень злил значительную часть рядовых бойцов. Кроме того, непопулярность Брахман заработал рапортами, которыми сдавал в штаб группировки попавшихся его взору подвыпивших парней «мобильника», или привлекая к такому наблюдению за мелкие проступки отдельных служивых в так называемый «патруль чести». А вот за собственной честью ему следить было некогда.

Как-то жертвой таких обстоятельств могли стать Боцман и Карась, когда последний «перебрал» из-за терзаний любви, а товарищ уберег его от сердечных глупостей, по-братски разделив с ним припасенную на черный день флягу коньяка. Их спас командир отряда, который понимал, что без кинологов здесь никуда, а замена на новых потребует времени и дополнительной психологической притирки к коллективу. Тогда он убедил Брахмана оставить их в «мобильнике» под его личную ответственность, но зуб «распорядителя» тылового имущества был уже остро заточен на кинологическую группу отряда.

Понятно, что всевозможными душераздирающими указаниями и резолюциями во всех ЭМО алкоголь был под большим запретом. Обнаружили бойца в таком состоянии – все, конец, пиши, что пропало: возвращение на место постоянной дислокации с отрицательной характеристикой и практически стопроцентным увольнением без права восстановления в связи с утратой доверия. А это – прощай, государственное обеспечение и годы, безвозвратно отданные службе.

Однако большинство наших отцов-командиров делали вид, что данное правило безоговорочно работает, а бойцы – что неукоснительно его выполняют, так как по факту любой мужской коллектив, особенно в условиях ограниченного пространства и боевых действий, просто не может обходиться без алкогольных вливаний, иначе погибель – не будет той так необходимой психологической разгрузки от нервного напряжения, которое все мы по-своему, но в целом тяжело переносили.

В качестве альтернативы алкоголю срабатывали только еженедельные турниры по мини-футболу в старом и рассохшемся от времени бассейне, находившемся на территории «мобильника».

– Еще раз повторю: всем быть предельно внимательными, прикрывать друг друга! – громко говорит Джуба, интонацией выделяя каждое слово. – Нам двухсотые не нужны, слушай мой приказ: всем вернуться живыми и невредимыми! Все, парни, выдвигаемся в божьем порядке!

– После прибытия в отряд каждому отчитаться о расходе дополнительных боеприпасов! – визгливо добавляет Брахман, голос которого в сравнении с «рыком» Джубы больше напоминает кудахтанье. – И учтите, лично проверю ведомости сдачи! Каждый боец должен помнить о материальной ответственности...

И в этот момент голос Брахмана тонет в реве двигателей бронетранспортеров. Дабы не слушать еще получасовой монолог о важности дисциплины в жизни настоящего морально устойчивого бойца, офицеры увлекают за собой свои отделения в заранее распределенный транспорт.

– Георгиц, не тормози, нам на 117 борт! – кричит что есть мочи Макс, пытаясь быть громче нарастающего гула боевых машин, и тянет меня за собой.

И вот мы уже сидим в душной и трясущейся железной коробке. Плавности хода ей однозначно не хватает, да и сидения под нашими задами могли быть хотя бы немного помягче, не спасают даже индивидуальные «поджопники» на резинках.

Я вновь и вновь достаю фото с миловидной блондинкой и долго вглядываюсь в родное и сейчас такое далекое лицо. Закрываю глаза и пытаюсь вспомнить её невероятную обаятельную улыбку, веселые зеленые глаза, приятный голос, ощутить запах чудесных волос.

Макс толкает меня локтем в бок:

– Георгич, ты сейчас на фото своей Вари-искусницы дырку прожжёшь!

– Макс, просто отвали!

Напротив меня Карась и Боцман. Рядом со мной, помимо Макса и Агузара, находится Камык – на сегодня командир нашего отделения. Он низкого роста, отлично физически сложен, с квадратными скулами и раскосыми глазами. Марс уселся возле меня и приятно лижет шершавым языком пальцы, а Ирс по обыкновению разлегся в ногах Боцмана.

Карась делится последними новостями с Боцманом, но невольно получается, что и с нами всеми тоже:

– Слышь, старый, а моя-то краля на уши присела, что, мол, давай маму к себе заберем. А я что, на идиота похож, с детства знаю – тещу надо любить на расстоянии. Живет себе в деревне и пусть там дальше овощи возвращает. Вот сынка себе заведем и будем ездить к ней в гости. Бабушка, мать её!

– Да твоя включит все свои женские штучки и уболтает, а ты и поплывешь. Карась, ты же еще тот подкаблучник. Даже глазом моргнуть не успеешь, а теща уже с вами живет. И тогда прощай, дикий и неприкрытый домашний секс и хождение по квартире «в чем мать родила»! – прогоготал Боцман и по-дружески похлопал товарища по плечу.

Через полчаса все уже перестают перекидываться разговорами, и мы едем в молчании. Время идет, стойкое ощущение практически у всех, что «пятая точка» становится деревянной. Но вот наша металлическая коробка замедляет ход, и выше выходного люка загорается и моргает красная лампочка.

Камык командует:

– Прибыли, господа! Все на выход! Зона нашей ответственности – четырнадцатый сектор! Как обычно, наше дело держать оцепление, пока «спецура» зачищает зараженные сектора.

Люк отъезжает в сторону. Первым в проем ухает Камык, потом Карась с Марсом и Боцман с Ирсом. Макс и я кидаемся за ними, позади всех Агузар. Бронетранспортер двигается дальше.

Слышится канонада.

– «Тяжелые» работают! – по ходу передвижения комментирует Камык.

Наша группа останавливается возле полуразрушенной стены. Совсем рядом видны укрепления из местного красного кирпича, больше напоминающие бастионы древних.

Камык поднимает руку вверх, и мы замолкаем. Он внимательно вслушивается в наушник шлема, а затем негромко повторяет за передающим:

– «Спецура» зачистила десятый сектор... Прорыв в нашу сторону минимален... Возможны одиночки... На двенадцатом секторе нужна помощь собачек Боцмана и Карася... Сопровождение скоро будет.

Через пятнадцать минут внезапно и бесшумно появляются двое из числа «спецов». В этот момент каждый из нас понимает, как именно выглядят настоящие профессионалы специальных подразделений: экипировка как с иголки, по последнему слову военных разработок, в том числе эргономичные и стильные экзоскелеты, в которых они смотрятся как влитые; удобные разгрузки, заполненные различными видами боеприпасов, так что можно в одиночку держать оборону маленькой крепости. Не то что мы: горе-войки в старых засаленных бронежилетах и шлемах начала времен, потертой и выдавшей защите, сменившей не одного владельца, одним словом – «мясо» или «пехота».

Спецгруппа удаляется с нашими кинологами. Ирс и Марс, почуяв предстоящую работу, с серьезными мордами, если такие вообще могут быть у псов, вместе с хозяевами теряются в красных развалинах.

Макс достает специальные армейские сигареты, дым от которых не имеет цвета, одну протягивает Камыку и, заметив мой взгляд, тихо смеется:

– А ты, Георгич, легкие береги! Агузару – так тому просто вредно.

Мысль еще не успела сработать, но руки автоматически вскинули стволы автоматов, которые по команде Камыка стали извергать железо в направлении несанкционированного движения.

В метрах пятисот от нас, со стороны сектора тринадцать, показались варки, около семи особей. Жуткие мутировавшие твари, нечто среднее между крупной собакой и гиеной с большой вытянутой пастью, усыпанной многочисленными острыми зубами.

Монстры появились на свет во времена «Большого кризиса», после серии ядерных взрывов, организованных около ста лет назад Конфедерацией на территориях республик Содружества. Само Содружество как союзное государство образовалось, когда 15 восточных республик пришли к соглашению об общем экономическом пространстве и военной взаимопомощи, положения которого были закреплены в особом документе «Декларации 15». Это был ответ на вызовы Конфедерации, которая, в свою очередь, провозгласила курс на уничтожение «ущербных», по их мнению, наций и рас.

Нынешнее время многие окрестили «Тихим кризисом» из-за кажущегося затухания конфликта, но мы думали иначе. Просто в какой-то момент Конфедерация и Содружество смогли прийти к временному мирному договору, определявшему военный паритет сторон и содержащему дополнительный раздел: пакт о ненападении. Понятно, что договор периодически локально нарушался, но официальное признание этого означало бы только тотальное уничтожение друг друга. Как раз после этого в Содружестве появились особые военные образования – экспедиционные мобильные отряды (или по-нашему – «мобильники»), общее руководство которых осуществлялось в единых группировках по каждой из восточных республик.

Наряду с главной целью нашего ЭМО, заключающейся в поддержании декларационного строя на территории Республики Ши, входящей в состав Содружества, и сохранения мира между местными горными кланами, проведение зачисток подконтрольной территории от варков также являлось одной из приоритетных задач.

Вместе с тем в большинстве своем варки не нападали на людей, и с ними вполне можно было сосуществовать по принципу: «Мы с тобой одной крови – ты и я». Хотя охотились они стаями до десяти особей на представителей иных видов фауны, бурно изменившейся с момента последних ядерных атак.

Самое страшное заключалось в том, что конфедераты нашли способ вживлять в варков электронные чипы для управления ими как ботами. Получались запрограммированные на убийство биомшины, не знающие ни усталости, ни боли, ни пощады. Радиус управления такими ботами составлял не более двух километров. А это означало, что относительно рядом находились их операторы.

По сути, операторы – боевики-диверсанты из числа конфедератов, которые забрасывались на территорию Содружества и проводили «чипирование» варков. Но официально ни диверсантов, ни операторов ботов не существовало, а варки нападали на людей исключительно из своей природной агрессивности. Помимо управления ботами операторы проводили акты возмездия путем закладок взрывных устройств. Среди нашего военного брата ходили слухи, и, к сожалению, они находили свое подтверждение, что конфедераты «чипировали» пленных и использовали их в качестве террористов-смертников. Согласно средствам массовой информации Конфедерации так называемые «инциденты» на территории Содружества происходили за счет действия неких повстанцев, несогласных с официальным режимом, – якобы борцов за свободу и настоящую демократию. Да, несогласные были, но в большей степени они представляли из себя простых «отмороженных» бандитов.

Мы прикончили всю стаю. Порыв ветра донес до нас запах жженой плоти варков, от которого всех просто выворачивало наизнанку. Но мы никак не ожидали, что это было только начало.

Внезапно в том же месте просто на глазах стало вырастать новое стадо варков. Такого количества этих чудовищ я точно еще никогда не видел. Через какое-то время их приток остановился и все они замерли, как будто изучая обстановку с явным намерением двигаться в нашу сторону.

Всей своей массой в этот момент они напомнили мне море: только недавно оно было спокойным и притягательным, но штить быстро закончился, и вот оно уже вспенилось и забурлило, а затем всем серым потоком хлынуло в нашу сторону, при виде которого невольно возникает необузданный природный страх. И в этом море нет места чувствам, сомнениям и страхам, оно просто поглотит нас всех без остатка, накроет своей чудовищной волной, тогда конец всему, и уже неважно, кого мы любили и чем дорожили.

Все мы слышим твердые и сейчас так нужные слова Камыка:

– Мужики, не ссать, держаться вместе и страховать друг друга! Братцы, надо продержаться! Всем опустить забрала! Беречь патроны – валить одиночными, а не лупить как попало! Не забываем про табельные пистолеты, осколочные и светошумовые гранаты, ножи – все в ход! – и уже в микрофон шлемофона. – Прорыв на четырнадцатом секторе! Как слышно, у нас прорыв стада, срочно, срочно нужна помощь!

Несмотря на понесенные потери, стадо приближалось к нам очень стремительно. Мы уже опустошили магазины табельных пистолетов, использовали имеющиеся гранаты. И вот я уже слышу, как парни один за другим повторяют: «Я пустой, я пустой...». У меня тоже самое.

Достаем из набедренных чехлов специальные широкие ножи. И вот вся эта жуткая масса с одной целью «растерзать и разорвать» врзается в нас. Я практически не вижу товарищей, чувствую, как мои налокотники и наколенники, шейную накладку, перчатки, бронежилет и тяжелые ботинки пытаются содрать или прокусить. Орудую ножом наотмашь, силы на исходе, приходит чувство нереальности происходящего.

В этом ужасном гомоне людей и чудовищ, падающих гильз и смраде боя все мы слышим в динамиках своих шлемов надрывный голос Макса, который как молитву снова и снова повторял стихи Тухлого:

В моей голове давно – запах родного дома,
И мне бы сейчас вдыхать – отчизны аромат,
Где все мне мило и все до боли знакомо,
Брат, миру мир, нет войне – оставь автомат!

И вдруг все неожиданно закончилось. Все варки разом обмякли и просто завалили меня своими тушами. Дышать тяжело, так как я весь залит вонючей кровью варков вперемешку с их внутренними органами. Жадно хватаю кислород ртом, как рыба.

В этот момент страх сковал меня. Нет, не страх того, что я скоро умру, а тот страх, что больше никогда не увижу ее. Я нащупываю рукой оберег, которой подарила мне Варя перед командировкой (кулон в виде клыка волка на шнурке), крепко сжимаю его и мысленно представляю ее образ. Наружу вырываются, вероятно, последние мои слова в этой жизни: «Прости, родная!». Мне нельзя терять сознание, но все же это происходит...

Прихожу в себя, голова раскалывается и шум в ушах, а надо мной склонился Бобман:

– Георгиц, братишка, ты живой?

– Да, – еле шепчу, не узнавая свой голос, – Только воздуха не хватает!

– Ничего, бродяга, сейчас легче будет. «Тяжелые» обнаружили операторов и устранили.

Потом на их пульте деактивировали ботов. Георгиц, есть плохая новость – Макс погиб. Ему вырвали шейную накладку вместе с кадыком. Просто море крови. Жалко парня. Плохо, что мы не успели его спасти.

Уже по прибытии в отряд мы узнали, что потеряли и нашего Пухлю.

На территорию «мобильника» через контрольно-пропускной пункт пытались проникнуть два террориста, а он в том момент оказался рядом и остановил одного из них, но другой успел привести в действие заряд, находящийся на нем в виде пояса смертника. Ценою своей жизни Пухля предотвратил смерти других ребят.

Как? Как, скажите мне, потерять близких тебе людей и пережить все это?

Да, именно так! Мы превратились в настоящую боевую семью, которая держала нас на плаву и не позволяла нам сдаться и не уйти глубоко в себя, а помнить, что жизнь всегда и везде продолжается.

Конечно, то была совсем другая и, думаю, действительно и по-настоящему реальная жизнь, абсолютно отличная от мирной, со своими законами выживания, когда друг есть друг, а враг есть враг, которому не надо фальшиво улыбаться сквозь зубы, но в любом случае каждый из нас, засыпая, хотел проснуться не в казенной постели, а дома, рядом с любимой женщиной. Тут уже ничего не добавишь.

Возможно, так когда-то и было: человек не играл в жизнь, а проживал ее эмоционально и глубоко, пропуская через себя каждое событие в ней и принимая все близко к сердцу. И мы здесь стали другими и, быть может, вернулись к первоистокам, перестали быть равнодушными и циничными к происходящему вокруг. Мы были вместе как один, как братья святого воинства – братья по крови. Каждый из нас составлял частичку этого братства, даже со своими заблуждениями, причудами и недостатками, и уже немислимо представить его хотя бы без одного из нас.

Мне кажется, что всех нас дополнительно сплотил один случай, когда к нам в кубрик как-то под вечер ввалился Башка – рослый детина, один из бойцов второй казармы.

* * *

– Братья по оружию, есть чего залить?

– Башка, тебе чего не спится? – спрашивает Тухлый, кровать которого ближе всего к входу, отрываясь от чтения очередной научно-популярной книги.

– Есть острое желание выпить! Может быть, поможете горю, а, земляки? – продолжает Башка.

– Иди лесом, зёма, ничего нет, сами с удовольствием бы сейчас жажнули! – вмешивается в разговор Карась.

– Слышь, Агузар, надо метнуться за колючку, пивка принести коллеге! – Башка переключает свое внимание на Агузара, видимо, рассчитывая на свое физическое превосходство над молодым товарищем и, вероятнее всего, надеясь на безразличие остальных.

– Парня на глупости не толкай! – подключается Боцман.

– Старый, я к тебе не обращался! Врезаешься не по делу, морячок!

– Вы хотите поговорить о своих психологических проблемах? – иронично спрашивает его Макс.

– Сегодня в нашей студии господин Башка, и вот его история о неудовлетворенных потребностях! – забавно добавляет Пухля.

– У вас тут вся молодежь борзая? Может быть, ты, парнишка, за пивасиком сгоняешь? – переходит на повышенные тона Башка, обращая свой гневный взор на Пухлю.

– Парни, мне кажется, что его самого подрядили за пивом, а он приперся к нам, нашел балбесов! – не выдерживаю я.

– Хитрожопый дятел, тебе сказали – свободен! – уже не сдерживается Томак.

Неожиданно для всех нас разъяренный Башка предпринимает попытку достать табельный пистолет и применить его по прямому назначению, но положение спасает Тюлень, до сих

пор умиротворенно взиравший на все происходящее. Мощным ударом он посылает Башку в нокаут, так что тот с громким грохотом кубарем катится за пределы помещения.

– Вот это полет! – восторженно кричит весь наш кубрик и рукоплещет творцу этого поразительного по красоте действия.

А дальше: обиженный в своих чувствах Башка приводит к нам в гости свою команду бойцов без правил; стенка на стенку; разбитые в кровь лица, поломанные зубы и ребра; общее крепкое братание. И что в итоге, спросите вы? А я вам отвечу: Башка проставляется имбирным пивом, все довольны и жизнь как никогда прекрасна...

* * *

Спустя сто дней после начала командировки мы уже настолько ценили сплоченность нашей группы, что решили оставить память об этом страшном и одновременно интересном времени.

Самым простым способом не забыть все, что было здесь с нами, мы посчитали оставить на своих телах памятные татуировки, благо в отряде был свой доморощенный художник. За добрый старый коньяк он помог нам определиться в выборе «татушек» и расшифровке наносимых символов, которые сам же и набил. Каждый из нас определился, что ему по душе: древние рунические узоры, приносящие удачу и защищающие от темных сил; скорпионы, готовые к удару, определяющие принадлежность к боевому братству, или глубокие по смыслу изречения древних, такие как у Макса о том, что Бог с нами.

Но сегодня Его с нами не было...

Тринадцатый

Когда-то я был послушником, не прошедшим обряда, но сейчас я брат святого воинства Отца Рейвена. Меня зовут Рус, точнее брат Рус. И даже сейчас во мне всплывают воспоминания о дне моего посвящения в орден – братство ангелов-прокураторов, призванных защищать установленный творцом миропорядок и вершить закон по священному Кодексу Рейвена.

* * *

Облачаясь в черные одежды посвящения, я как никогда ощущаю, что нахожусь на пороге новой жизни, наполненной реальным смыслом и целью, и отрекаюсь от всего старого, что было когда-то мною и жило во мне. Возможно, к счастью, прошлого я совсем не помню, потому как ко всем послушникам применяют процедуру стирания памяти до получения ими сана ангела-прокуратора. Этот процесс помогает стать поистине свободным от ненужных якорей в виде старых эмоциональных переживаний, в которых нет необходимости брату ордена, а сконцентрироваться только на получении знаний и умений, так необходимых ангелу-прокуратору.

Я многое читал, долго тренировался, и в какой-то момент мой наставник – старший брат ордена Туэр – сказал, что время пришло и я полностью готов. Туэр один из самых мудрых и приверженных истинным идеалам ангелов-прокураторов. Он учит меня не воспринимать трудности как проблемы, ведь на самом деле это задачи, которые имеют свои решения, может, иногда легкие или более сложные, но решения, а ощущение непреодолимости только в голове и не более того.

Во время тяжелого во всех смыслах экзамена я прошел все испытания, став более крепким и физически, и духовно. Может быть, не так, как мне изначально хотелось, но набрав то самое необходимое количество знаков отличия. Осталось только одно – пройти обряд посвящения.

В дверь моей каюты постучали. На пороге один из помощников творца, но только это не обычный гражданский стюард или техник. На нем черный сидящий по фигуре двубортный парадный мундир: петличная эмблема в виде солнца, пронзенного пылающим мечом; большие позолоченные пуговицы; красивый шитый ярко-желтый ремень с начищенной до блеска бляхой; на левом рукаве красный шеврон, на котором изображен черный ворон, расправивший крылья; форменные брюки с широкими желтыми лампасами. Погоны выдают в нем старшего

офицера. Наряд идеально дополняет белая фуражка, к козырьку которой он подносит вытянутую ладонь в белоснежной перчатке и без запинки рапортует:

– Честь имею, квадринг-полковник 3 ранга небесного корпуса Ромберт, прошу следовать за мной в зал героев.

Достаточно долго полковник вел меня по неизвестным длинным коридорам, пока мы не достигли главных врат в зал героев. Когда привратники открывали их, мое сердце колотилось бешено как никогда. Еще бы: достигнута та заветная цель, которой я жил последние несколько месяцев.

Отец наш небесный! Еще никогда я не видел такого великолепия и фантастического убранства в одном месте. И все оно утопало в шумно-кричащем и насыщенно-пестром столпотворении стюардов, маленьких как карлики техников, а также квадрингов всех рангов и мастей. Продвигаясь по невероятно громадному и очень светлому залу сквозь толпу, я нахожу глазами и любуюсь на завораживающие своей реалистичностью, размером и сочностью красок фрески, расположенные по всему контуру купола, в самой вершине которого уже видно поднимающееся солнце.

На фресках отдельные эпизоды из жизни Отца Рейвена и его ангелов-прокураторов: вот братья стоят коленопреклоненные перед творцом, и он благословляет их своей дланью (Туэр говорил, что там запечатлено зарождение самого первого воинства творца); сцены битв из разных временных войн с «иными», проникшими в наш мир, вперемешку с фрагментами, где Отец разит карающим техномечом братьев, отступивших от веры его. Наставник неоднократно упоминал о том, что меч «справедливости» творца пылает алым пламенем во время исполнения приговора, в отличие от синего огня мечей «возмездия» – оружия ангелов-прокураторов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.